

МОЯ ТАЙНАЯ ВОЙНА

**КИМ
ФИЛЬМ**

Ким Филби

Моя тайная война

«Кучково поле»

1980

УДК 355.34
ББК 67.99 (2) 116.2

Филби К.

Моя тайная война / К. Филби — «Кучково поле», 1980

ISBN 978-5-907171-38-1

Воспоминания Кима Филби — яркий, детективный, полный британской иронии рассказ советского разведчика. Принципиальный выбор служить справедливому миру и бороться против фашизма, сделанный еще в годы учебы в Кембридже, задал жизни Филби замысловатый маршрут. Встреча с советским разведчиком, война в Испании, британская Секретная разведывательная служба, работа «против советской и коммунистической деятельности» в Великобритании и координация действий британской разведки с ЦРУ и ФБР — блестящие успехи самого известного участника Кембриджской пятерки нанесли такую глубокую травму англо-американскому разведсообществу, что она сказывается вплоть до сегодняшних дней. Книга будет интересна всем, кто интересуется историей советской и британской разведки, мировой политикой и мемуарами выдающихся личностей XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.34
ББК 67.99 (2) 116.2

ISBN 978-5-907171-38-1

© Филби К., 1980
© Кучково поле, 1980

Содержание

Предисловие от издателей	6
Предисловие	8
От автора	13
Пролог	14
Глава I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ким Филби

Моя тайная война

© Институт внешнеполитических исследований и инициатив, издание на русском языке,
2020

© ООО «Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление,
2020

Предисловие от издателей

Автобиографическую книгу Кима Филби «Моя тайная война» найти практически невозможно, поэтому мы решили переиздать ее в электронном и бумажном формате, и распространять бесплатно. В ней – голос самого Кима, с его британской иронией на великолепном английском, его взгляд на события с тонкими психологическими деталями. К его талантам дипломата и разведчика эта книга обязывает добавить и талант писателя.

Персона великого советского разведчика Кима Филби более полувека спустя после его прибытия в Москву не дает покоя его компатриотам в Лондоне и их коллегам в Вашингтоне. Подумать только: Секретная разведывательная служба (СИС), она же МИ-6, взялась помогать начинающим американским гегемонам строить их новое Центральное разведывательное управление – и кого они направили для связи в первые годы деятельности? Советского шпиона! И это после того, как внутри МИ-6 он отвечал за контрразведку, то есть за раскрытие внутри службы советских и коммунистических агентов! Каково ему было смотреть на себя в зеркало, когда брился по утрам, сокрушаются по обе стороны Атлантики. И таких, как он, было, по крайней мере, еще четверо!

Да, от такой травмы оправиться сложно. «Ущерб, нанесенный деятельностью Филби, настолько велик, что было бы лучше, если бы в те годы мы вообще ничего не делали», – говорил сотрудник ЦРУ Майлс Коуплэнд. И тем более захватывающей история Кима Филби и его товарищей по Кембриджской пятерке является для нас.

Исключительны в истории Кима Филби и Кембриджской пятерки не только их фантастические успехи в разведывательной работе. Главное – мотивация. Почему молодые англичане из высших кругов британского общества, для которых все пути к власти и капиталу были открыты, с такой убежденностью и самоотдачей встали на сторону Советского Союза?

Кембридж в конце 1920-х – начале 1930-х годов был наэлектризован идеями социализма. Успехи строительства социалистического общества и стремительно растущей экономики в Советской России, в то время как Запад замер в Великой депрессии, давали живой пример альтернативы капиталистическому миру. Члены «пятерки» изучали марксизм, активно участвовали в левом движении, и это в решающей степени сформировало их убеждения на всю жизнь.

Причина вторая – антифашизм. Искренне приверженные идеалам гуманизма, во время поездок в Германию и Австрию они своими глазами видели зарождение и становление фашизма. Они возмущались тем, как радикалам потворствовали правительства Англии и Франции. И сделали для себя однозначный вывод: остановить фашизм способен только Советский Союз.

Их служба на советскую идею отнюдь не означала предательство своей страны. Великобритания могла быть разной. «В моей Англии я тоже видел людей, ищущих правду. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашел в своей работе в советской разведке. Этим я служил и моему английскому народу», – так объяснял Ким Филби свой выбор. И подчеркивал: он никогда не нарушал клятвы – первой он присягнул советской разведке, а служба в МИ-6 была позже. Такое горение, такое служение высокой идее сделало Кима Филби и остальных участников Кембриджской пятерки героями для поколений людей в России и мире.

Эта книга – уникальное путешествие в мир советского разведчика внутри британской секретной службы. В ней нет вымысла, каждый факт бесспорен, как с самого начала предупреждает автор. Кто-то прочитает эту книгу как детектив. Кто-то восхитится великолепным языком, рельефно прописанными персонажами из службы, психологизмом ситуаций и отношений. Другие обратят внимание на профессиональные и исторические детали. Какого объема была «книга источников» по Советскому Союзу – список и характеристики британских агентов? Как

СИС и ЦРУ боролись между собой за белоэмигрантские организации и украинских националистов Степана Бандеры, любимца англичан? Что пили кадры ФБР – люди из глубинки, и что пили сотрудники ЦРУ, разыгрывавшие из себя космополитов – и как выбор алкоголя объяснял трения между двумя спецслужбами? И каково это было для советского разведчика еженедельно завтракать с Джеймсом Энглтоном, впоследствии главой контрразведки ЦРУ, который маниакально видел советских шпионов везде, даже среди американских президентов, и сошел с ума на этой почве?

Мы переиздаем книгу без изменений, с тем предисловием, с которым «Воениздат» опубликовал ее впервые в 1980 году. Это была их эпоха. «Я смотрю на прожитую жизнь как отданную служению делу, в правоту которого искренне и страстно верю», – говорил Ким Филби в Москве.

Желаем увлекательного чтения!

Команда проекта «Ким Филби и Кембриджская пятерка: сохранение исторической памяти о героях-разведчиках» www.cambridge5.ru

Предисловие

Эта книга не детектив, в ней ничего не выдумано. В каждой ее строке – правда, реальные люди, события, факты, с которыми пришлось столкнуться в жизни автору – выдающемуся разведчику нашего времени Киму Филби.

Его имя хорошо известно на всех континентах. Семнадцать лет назад, когда Ким Филби, ас английской разведки, один из ее бывших руководителей, объявился в Москве, британская элита пережила невероятный шок. Паника охватила штаб-квартиры западных спецслужб, волна сенсационной шумихи захлестнула капиталистический мир. Но и сегодня, много лет спустя, на Западе о нем не могут говорить спокойно. Без упоминания о Киме Филби не обходятся мемуары политических деятелей и солидные исследователи послевоенной истории. Он персонаж романов и художественных фильмов. Ему пишут недруги и друзья: одни – с проклятиями, другие, их большинство – с восхищением и любовью.

Шестьдесят третий год существует Советское государство, с каждым днем крепнут его могущество и авторитет. И всегда с чувством гордости и благодарности мы говорим о тех, кто своими руками закладывал фундамент революции, защищая ее, не щадя сил создавал великое социалистическое братство народов, воплощением которого стал Союз Советских Социалистических Республик.

Ким Филби относится к числу тех, кто с юных лет встал на путь революционной борьбы, кто всей своей сознательной жизнью связан с идеями Октября и их защитой.

Он родился в 1912 году в семье видного правительственного служащего, окончил привилегированный Кембриджский университет. Отец Филби, крупный английский исследователь Востока, в течение длительного времени был политическим советником короля Саудовской Аравии Ибн-Сауда, влиятельной личностью в арабском мире.

В студенческие годы Филби примыкал к левонастроенным кругам, поддерживал дружеские связи с членами кружка молодых коммунистов, оставаясь, однако, вне рядов партии. Его левые убеждения были известны университетской администрации, и по окончании университета Филби не получил рекомендации для поступления на государственную службу. Потеряв надежду устроиться на работу в Министерство иностранных дел, Филби выехал в Австрию, чтобы в совершенстве овладеть немецким языком.

В Вене Филби установил связь с левыми кругами, включился в работу по линии МОПРа и Красного Креста.

В 1934 году, по возвращении из Австрии, Филби порывает с прошлым и устраивается с помощью влиятельных друзей отца, и в частности известного разведчика Локкарта, внештатным сотрудником в редакцию лондонской газеты «Ивнинг стандарт». Филби расходится со своими политическими единомышленниками, все чаще его видят на приемах в германском посольстве. Вскоре он – член англо-германского общества, открыто выступает с позиций германофила, сотрудничает в фашистском журнале «Геополитик». Его прогерманские настроения замечены в Третьем рейхе. Он становится частым гостем в Берлине, встречается там с сотрудниками пропагандистского аппарата Геббельса, его принимает Риббентроп.

В 1936 году начинается война в Испании, и уже через полгода по рекомендации издателя «Геополитик» генерала Хаусхофера и некоторых влиятельных правых в Англии Филби выезжает в воюющую страну в качестве корреспондента нескольких английских информационных органов. Он пишет о положении в Испании в лояльном для франкистов духе, и через некоторое время его назначают официальным и единственным корреспондентом газеты «Таймс» на территории страны, занимаемой Франко. Как журналист, Филби пользуется превосходной репутацией у мятежников. Франко лично награждает его орденом за выдающиеся заслуги.

С началом Второй мировой войны Филби – главный военный корреспондент «Таймс» при Генеральном штабе английской экспедиционной армии в Европе. В 1940 году после поражения Франции он возвращается на родину и получает предложение работать в английской разведке – Секрет Интеллидженс Сервис (СИС). На первых порах он – сотрудник отдела саботажа СИС.

Для непосвященного человека это невероятная трансформация: за шесть лет пройден путь от беспартийного коммуниста до фашистского апологета, от работника МОПРа до сотрудника старейшей секретной службы империалистического государства. Более искушенные скажут: «А что здесь необычного? Были на изломах истории, на ее крутых поворотах и более разительные метаморфозы...»

Были, есть и наверняка будут, но к Киму Филби они не имеют отношения. С июня 1934 года К. Филби начал работать в советской разведке и всегда оставался верен своим убеждениям и идеалам.

Карьера Кима Филби в СИС была головокружительной. Уже в 1941 году он получает ответственный пост в контрразведке СИС и занимается контрразведывательным обеспечением всех военных операций западных участников антигитлеровской коалиции в Европе. Под его руководством проводятся мероприятия по борьбе со спецслужбами фашистской Германии, Испании, Португалии. Он осуществляет связь между контрразведкой СИС и Министерством иностранных дел и вскоре становится признанным «экспертом по антикоммунизму». Наконец, в 1944 году ему поручают возглавить особо важный отдел СИС «по борьбе против СССР и международного коммунистического движения». С назначением на этот пост Ким Филби одновременно становится одним из заместителей начальника всей секретной службы Великобритании. В 1946 году его награждают «за особые заслуги» орденом Британской империи. О личном обаянии К. Филби ходили легенды, а его стремительная карьера давала повод западной прессе утверждать, что вскоре он может возглавить всю британскую разведку.

В 1946 году Ким Филби командирован в Турцию в качестве резидента СИС под прикрытием первого секретаря английского посольства. Эта страна была избрана не случайно. На южных границах СССР тогда готовились крупные шпионские акции, и их организацию можно было поручить только наиболее опытному и ответственному лицу.

С 1949 по 1951 год Ким Филби возглавляет миссию связи английской разведки в Вашингтоне, он координирует работу СИС с ФБР и ЦРУ. В силу занимаемого положения и личных связей Ким Филби проникает в святая святых американских специальных служб.

Ни одного ложного шага не сделал Ким Филби как разведчик, но объективные обстоятельства сложились так, что на него пало подозрение. Тем не менее, в 1955 году, когда в английском парламенте начались дебаты по поводу утечки совершенно секретной информации из высших эшелонов власти, министр иностранных дел Англии Г. Макмиллан публично снял все обвинения с Кима Филби. До 1963 года Ким Филби продолжал действовать от имени СИС в качестве корреспондента английских газет на Ближнем Востоке. В 1963 году он выехал из Бейрута в Москву.

Долгий, большой путь прошел Ким Филби как разведчик. Огромное количество ценнейшей информации было получено от него за все это время. Австрия Дольфуса, Германия Гитлера, Испания Франко, Вторая мировая война, затем «холодная война», ее наиболее суровые годы – и все это время под личиной буржуазного журналиста, дипломата, разведчика билось сердце коммуниста.

За выдающиеся заслуги перед Советским государством Ким Филби награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Дружбы народов, юбилейной медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Сегодня Ким Филби по-прежнему на боевом посту. Он полон творческой энергии, много работает. Его пронизательный живой ум откликается на все, что происходит в мире. Его глу-

боко волнуют события и за границей, и у нас, дома. Он любит острую полемику, хоккей, поэзию, но больше всего – свою работу.

В 1977 году, выступая перед коллективом чекистов на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, Ким Филби сказал: «Если бы мне предоставили возможность загадать желание, я бы сказал, что пожелал бы проработать еще сорок три года в своем родном коллективе среди моих дорогих коллег и друзей».

Биография Филби, его жизненный путь поражают многих своей необычностью. Принадлежащий по происхождению к правящему классу, окруженный комфортом и благополучием буржуазного общества, он объявил войну своему классу и отдал свои знания, ум, энергию, всего себя делу служения революции. Что толкнуло его на этот шаг?

Для понимания явления такого рода стоит обратиться к истории. Сто тридцать с лишним лет назад К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «... в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»¹.

Октябрьская революция в России ознаменовала начало новой эпохи в истории человечества. Для миллионов и миллионов трудящихся во всех уголках Земли она стала символом грядущего освобождения. Лучшие умы старого мира горячо приветствовали ее. Но с первых дней своего существования молодая Советская республика оказалась в огненном кольце иностранной интервенции и гражданской войны. Затем несколько лет передышки, восстановление разрушенного хозяйства, закладка фундамента новой жизни и снова тучи на горизонте: фашистская чума коричневой слизи поползла по Европе. Гитлер захватил власть в Германии, Япония вторглась в Китай. Начал формироваться союз держав Оси. Наиболее вероятной перспективой развития международной обстановки в то время стало развязывание войны, нападение на Советский Союз. Именно в эти годы происходит становление Кима Филби, его духовное созревание.

Английский писатель Патрик Сил, отнюдь не симпатизирующий нам, в книге «Длинная дорога в Москву», посвященной Филби, следующим образом характеризует обстановку того времени:

«Разочарованные предательской политикой социал-демократов и напуганные фашизмом, левонастроенные молодые люди обратили свои взоры к Советской России, которая стала все сильнее захватывать их воображение. В то время, когда капиталистический Запад впал в состояние глубочайшей экономической депрессии, Россия приступила к осуществлению своего первого, поистине геркулесовского пятилетнего плана. В Советской России всем до единого человека была предоставлена работа, а использование ею ресурсов стало государственной политикой. В то время как капиталистические страны находились в состоянии упадка, экономика СССР триумфально развивалась. Советский Союз был привлекателен для мыслящих людей на Западе не только из-за успехов его экономики, но и благодаря значительным достижениям в культурном строительстве: Россия дорожила своими учеными, в то время как на Западе они оказались без работы; советская пресса широко освещала жизнь не кинозвезд и гангстеров, а писателей: Максима Горького восторженно приветствовали, где бы он ни выступал перед советскими людьми, а его произведения продавались миллионами экземпляров. Русские фильмы завоевали мировую известность. Но самое главное состояло в том, что Россия не была похожа ни на какую другую нацию; для коммунистов 1930-х годов, в глазах которых национализм был дискредитирован Первой мировой войной, Россия стала эталоном нового всемирного общества».

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 433.

Это были великие, бурные годы ломки старого и созидания нового. В это время М. Горький спрашивал: «С кем вы, “мастера культуры”?» И этот вопрос касался любого, кто верил в силу добра и света, чья совесть не могла мириться с варварством фашизма, кто не мыслил себя в положении обывателя.

Вот что рассказывает сам Ким Филби о той обстановке, в которой формировалось его мировоззрение.

«Мое решение активно бороться против реакции не было результатом внезапного обращения в новую веру. В 1929 году, когда я был зачислен в Кембриджский университет, мое мировоззрение еще не сформировалось, но уже тогда мои симпатии и привязанность были на стороне бедных, слабых и униженных, а не на стороне богатых, власть имущих и надменных. Первые размышления о политике привели меня к лейбористам, я сразу же стал членом университетского общества социалистов. Для года я регулярно посещал собрания этого общества, но в его деятельности участвовал мало. Чтение политической литературы постепенно привело меня к мысли, что английская Лейбористская партия слишком далека от главного течения левых сил мира. Однако, настоящим поворотным пунктом в моем мировоззрении стал 1931 год – год полной деморализации и поражения Лейбористской партии. Какой невероятно беспомощной оказалась эта партия перед силами реакции в период кризиса! А когда избиратели, считавшиеся искушенными в политике, отступали под влиянием крикливой циничной пропаганды, у меня возникли серьезные сомнения в действенности буржуазной парламентской демократии вообще...

Поражение лейбористов в 1931 году впервые заставило меня серьезно задуматься над тем, куда идет эта партия. Я начал принимать более активное участие в деятельности университетского общества социалистов и в 1932–1933 годах был его казначеем. Это позволило мне ближе познакомиться с левыми течениями, которые критически относились к Лейбористской партии. Усиленное чтение классиков европейского социализма перемежалось с горячими, порой очень бурными дискуссиями. Это был медленный и мучительный процесс: переход от социал-демократических взглядов к коммунистическим длился у меня два года. И лишь на последнем курсе в Кембридже, летом 1933 года, я отбросил все сомнения. Получив диплом, я твердо решил посвятить свою жизнь делу коммунизма».

В своей книге, предлагаемой вниманию советского читателя, Ким Филби не рассказывает об этой стороне своей биографии.

Настоящее издание книги сохраняет основную канву повествования, опубликованного несколько лет назад на Западе и в некоторых социалистических странах. Когда книга впервые увидела свет в Англии, английский историк, профессор Оксфордского университета Хью Тревор Роупер писал: «Повествование Филби основано на фактах, его оценки всеобъемлющи и основательны, созданные им портреты и характеристики точны и справедливы, а некоторые из них – уничтожающи. С точки зрения исторической все – безупречно». Бывший английский разведчик, ныне известный писатель Грэм Грин сказал о книге К. Филби: «Это вовсе не та книга, которую ожидали враги Филби. Это – честное, хорошо и увлекательное написанное произведение. Все, что в нем рассказано, является более захватывающим, чем любой известный мне роман о разведке. Нам предрекали пропаганду. Но ее в книге Филби нет».

Рассказ о работе советского разведчика автор ограничивает годами своей службы непосредственно в английской СИС. Он раскрывает сложный процесс вживания в среду, чуждую его духу и настроением, показывает внутренний механизм аппарата шпионского ведомства, его откровенно реакционный, антикоммунистический характер.

С сарказмом пишет Филби о прогнозах английской разведки относительно исхода вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. По его словам, специалисты разведуправления Министерства обороны Англии предсказывали, что русская кампания Гитлера продлится всего три-шесть недель, наибольшие оптимисты считали, что, по меньшей мере, три

месяца. Слепленные ненавистью к стране социализма, английские правящие круги, несмотря на союзнические отношения, даже в годы войны не прекращали разрабатывать планы дальнейшей борьбы против СССР. По этому поводу автор пишет: «Задолго до окончания войны с Германией руководство СИС стало обращать свои мысли к будущему противнику. В период между двумя мировыми войнами большая часть ресурсов службы расходовалась на операции по проникновению в Советский Союз и на защиту Англии от того что обобщенно именовалось “большевизмом”. Когда поражение стран Оси стало неминуемым, мысли СИС вернулись в старое, привычное русло». Уже тогда, во время войны, была создана специальная секция по СССР и деятельности коммунистов; уже тогда руководители СИС с воодушевлением говорили о том, что пора «по-настоящему развернуть работу против коммунизма».

В 1947 году эта работа уже шла полным ходом. С территории Турции проводилась разведка границ СССР в целях засылки через кордон шпионов и диверсантов. В Лондоне, Париже, Мюнхене сколачивали бандитские группы из числа бандеровцев, закавказских меньшевиков, другого антисоциалистического эмигрантского отребья. Затем их забрасывали на территорию СССР, где их неизбежно ожидал провал. В те годы все большее внимание в антисоветских планах спецслужб главных империалистических государств уделяется использованию шпионской сети фашистской разведки. Западная Германия становится основной базой для подготовки подрывных операций против Советского Союза и других социалистических стран. Но пальму первенства в свершении подрывных антисоветских акций к тому времени уже захватывает американская разведка. В 1947 году в результате многочисленных реорганизаций разведывательных органов в США создается Центральное разведывательное управление – гигантский шпионский аппарат, который взял на вооружение антисоветизм и злобное коварство СИС, но придал им американский размах.

Автор рассказывает о закулисных сторонах взаимодействия английской и американской разведок, своих встречах с шефами американской охраны Э. Гувером, А. Даллесом, Р. Хелмсом и другими, об интригах и политиканстве. ЦРУ принимало К. Филби с распростертыми объятиями. Для них он был ветеран «по борьбе с коммунизмом», искусный и опытный организатор шпионажа, саботажа и диверсий. От него ждали совета, консультаций. Он их щедро раздавал. Но никто из его высокопоставленных американских коллег не мог даже вообразить, что имеет дело с представителем советской разведки, что в логове империализма действуют его единомышленники – ответственные сотрудники Министерства иностранных дел Англии Гай Бёрджесс и Дональд Маклейн. Этим замечательным людям автор посвящает не одну страницу своей книги.

Ким Филби скромно называет свою книгу биографическими записками. Но, как убедится читатель, «Моя тайная война» – широкое историческое полотно, убедительно показанное и мастерски выписанное.

Богатый фактами материал книги дает возможность читателю познакомиться с замечательным коммунистом, чекистом-разведчиком, обаятельным, сердечным человеком, ставшим живой легендой нашего времени.

О. Кедров

От автора

Предлагая советскому читателю эту небольшую книгу, я считаю необходимым дать некоторые пояснения.

Насколько мне известно, каждый факт, изложенный здесь, бесспорен. Но разумный читатель поймет, что я описываю события, происходившие двадцать, тридцать или сорок лет назад, и что память подчас может подвести. Учитывая это, я проверил и перепроверил мой материал и убедился, что если и есть в нем некоторые погрешности, то лишь самые незначительные, не влияющие на ход повествования и не искажающие картины деятельности английских, американских и других разведывательных служб, с которыми у меня были самые тесные отношения. Было бы полезно, конечно, если бы я вел дневник моей деятельности, но об этом, разумеется, не могло быть и речи. Наличие такого компрометирующего материала привело бы кратчайшим путем к разоблачению, аресту и другим чрезвычайно неприятным последствиям.

К тому же, хотя эта книга строго придерживается правды, тем не менее она не претендует на всю правду. Любой, кто надеется найти здесь информацию о советской разведке, будет разочарован. Несомненно, разведывательные службы противника способны составить себе общее представление о моей деятельности как советского разведчика. Однако существует масса информации, которой они не знают, а также есть сферы, где их попытки докопаться до истины, весьма сомнительны. Но не мне, советскому разведчику, снабжать противника информацией или рассеивать его мучительные сомнения, поэтому я умышленно почти не упоминаю о моей работе с советскими товарищами...

Это обидно, потому что описание моей работы в советской разведке было бы, наверное, самой интересной частью моей истории. Но до тех пор, пока идет тайная война с непримиримым противником, основные принципы нашей деятельности сохраняют свою первостепенную важность. Первый из этих принципов, грубо говоря: держи язык за зубами! Возможно, некоторые из моих более молодых читателей в отдаленном будущем увидят в открытой публикации подробное описание работы разведывательной организации, членом которой я был, но что касается меня, то я очень сомневаюсь, что доживу до этого времени.

Жены большинства разведчиков несут бремя особого рода: они не имеют возможности ни участвовать в работе своих мужей, ни даже знать о ней.

Всем таким женам посвящается эта книга, и особенно моей жене – Руфе.

Пролог

На волосок от гибели

Однажды, в самом начале своей деятельности в качестве сотрудника советской разведки, я впервые подвергся серьезной опасности и буквально чудом избежал смерти. Шел апрель 1937 года. Местом моей резиденция в то время была расположенная на юге Испании Севилья. Мое основное задание состояло в том, чтобы из первых рук собирать сведения обо всех сторонах военной деятельности фашистов. Полученную информацию я должен был по договоренности лично передавать советским друзьям во Франции или при случае – в Англии. Для срочной связи у меня был код и несколько секретных адресов за пределами Испании.

Перед выездом из Англии мне вручили инструкцию по пользованию кодом, написанную на крошечном клочке материала, напоминающего рисовую бумагу. Инструкцию я обычно хранил в кармане для часов, и вот именно этот клочок чуть было не поставил меня под дула винтовок фалангистов.

После нескольких недель, проведенных в делах и заботах в Севилье и ее окрестностях, я случайно обратил внимание на объявление о предстоящем в следующее воскресенье в Кордове бое быков. В то время линия фронта проходила в 25 милях к востоку от Кордовы, между Монторо и Андухаром, и идея взглянуть на бой быков в непосредственной близости от фронта, где я еще не побывал, оказалась слишком заманчивой. Я решил провести весь конец недели в Кордове, включив в свою программу и воскресную корриду. Я отправился в военную комендатуру Севильи – капитанию, чтобы получить необходимый пропуск, но приветливый майор отмахнулся от меня. По его словам, для посещения Кордовы специального пропуска не требовалось. Все, что нужно сделать, – это сесть на поезд и отправиться в путь.

В пятницу я сел в утренний поезд в Севилье и оказался в одном купе с группой итальянских пехотных офицеров. Чувствуя себя, как говорится, всегда на работе, я пригласил их на обед в Кордове, но они вежливо отказались из-за отсутствия свободного времени: накануне отправки на фронт они будут слишком заняты в публичных домах.

Я снял номер в отеле «Дель Гран Капитан» и, пообедав в одиночестве, отправился на прогулку по благоухающим улицам Кордовы. Побродив в состоянии счастливой беззаботности до полуночи, я вернулся в отель и лег спать.

Мой сон был прерван оглушительным стуком в дверь. Я открыл. В комнату ввалились два человека в форме гражданской гвардии, выполнявшей функции военной жандармерии. Они приказали мне быстро собрать вещи и отправиться в комендатуру. На мой вопрос: «Зачем?» – старший из них, в чине капрала, коротко бросил: «Приказ!»

В те дни я спал очень крепко. Не в мою пользу было и то, что я стоял в пижаме перед двумя гвардейцами в тяжелых башмаках и вооруженных винтовками и револьверами. Я еще не проснулся до конца и был растерян, так что мой мозг работал отнюдь не со скоростью света. Меня сверлила одна мысль: как избавиться от предательской бумажки в кармане брюк? Подумал о ванной комнате, но мой номер был без ванны. Пока я одевался и собирал вещи, гвардейцы перерыли мою постель. Может, удастся как-нибудь освободиться от этого клочка бумаги по дороге из отеля в комендатуру?

Когда мы вышли на улицу, я убедился, что сделать это нелегко. У меня была лишь одна свободная рука, в другой я нес чемодан. Позади твердо шагали, по всей видимости, хорошо вымуштрованные конвоиры, которые следили за мной, как ястребы. Так что, когда меня ввели в здание комендатуры, компрометирующая бумажка все еще находилась при мне. Помещение было освещено одной лампой без абажура, бросающей яркий свет на большой полированный стол. Я предстал перед низкорослым, уже немолодым, лысым и угрюмым майором гражданской

гвардии. Не поднимая глаз от стола, он рассеянно выслушал рапорт конвоировавшего меня капрала.

После тщательной проверки моего паспорта майор спросил: «Где ваше разрешение на въезд в Кордову?» Я повторил ему то, что мне сказали в севильской капитании, но он не принял моих слов во внимание. «Неправда, – заявил он тоном, не терпящим возражений. – Всем известно, что для приезда в Кордову требуется особое разрешение». Что привело меня в Кордову? Желание посмотреть бой быков? Где же мой билет? Ах, у меня его нет? Я только что приехал и собирался купить билет утром? «Правдоподобная» история! И так далее. По мере нарастания скептицизма в словах майора я все больше убеждался, что майор – ярый англофоб. В те дни было много англофобов по обе стороны фронта в Испании. Мой мозг заработал с лихорадочной быстротой в поисках выхода из создавшегося положения.

Майор и два арестовавших меня гвардейца с подозрительностью приступили к осмотру моего чемодана, но прежде они поразили меня неожиданной деликатностью, надев перчатки. Содержимое чемодана тщательно просматривалось, прощупывалось пальцами и разглядывалось на свет. Не найдя ничего предосудительного в моем нижнем белье, они стали тщательно замерять наружные и внутренние размеры чемодана, простукивая его поверхность. Когда «невинность» содержимого чемодана оказалась вне всяких сомнений, гвардейцы даже вздохнули. У меня появилась надежда, что это конец моих испытаний и что мне теперь прикажут с первым же поездом убраться из города, но этого не случилось.

«А теперь, – неприятным тоном сказал майор, – как насчет вас?» И предложил мне вывернуть карманы. Нужно было действовать немедленно. Я быстро вытащил свой бумажник и резким движением швырнул его на полированный стол. Бумажник, закрутившись, полетел в дальний угол стола. Как я и предполагал, все трое бросились за бумажником, стараясь дотянуться до него через стол. В тот момент, когда передо мной торчали три пары ягодич, я выхватил из кармана брюк злополучный клочок бумаги, смял его и быстро проглотил. Теперь с легким сердцем я выворачивал все карманы. Майор не стал подвергать меня неприятной процедуре телесного осмотра. Вместо этого он прочел мне сухую короткую лекцию о коммунистах, заправляющих в английском правительстве, и приказал убраться из Кордовы на следующий же день.

Утром, когда я расплачивался за номер в отеле, из дальнего угла холла появились оба моих «приятеля» из гражданской гвардии и попросили подвезти их до станции на заказанном мною такси. Садясь в поезд, идущий в Севилью, я подарил им пачку английских сигарет, и они радостно замахали вслед уходящему составу.

Это не был героический эпизод. Если бы даже инструкцию по пользованию кодом обнаружили, мой английский паспорт, вероятно, спас бы меня от смертного приговора. Однако в будущем у меня будет немало возможностей убедиться в том, что операции, связанные с настоящим риском, не всегда влекут за собой наибольшую опасность, так как можно заблаговременно определить действительную степень риска и принять соответствующие меры предосторожности. А вот незначительные случаи, подобные только что описанному, часто подвергают человека смертельной опасности.

Глава I

Секретная служба принимает меня на работу

Насколько мне помнится, впервые я установил контакт с английской секретной службой летом 1940 года. Это дело интересовало меня в течение ряда лет. Еще в нацистской Германии и позже в Испании, где я работал корреспондентом «Таймс» при вооруженных силах генерала Франко, я питал некоторую надежду на то, что ко мне постараются «подобрать ключи». Я был уверен, что сразу узнаю «своего» человека, как только он начнет осторожно зондировать меня. Он представлялся мне худощавым, загорелым, конечно, с подстриженными усиками, немногословным и, вероятно, ограниченным. Он, конечно, предложит мне работать во имя родины и сурово нахмурится при упоминании об оплате. Но увы! Ничего подобного не произошло. Единственным офицером разведки, который проявил ко мне какой-то интерес в Испании, был немец, некий майор фон дер Остен, он же дон Хулио. Он погиб в начале Второй мировой войны в автомобильной катастрофе в Нью-Йорке. Дон Хулио обычно привозил меня в помещение абвера в Конвенто де лас Эсклаवास в Бургосе и давал пояснения по большим картам, висевшим на стене и утыканным обычными цветными булавками. Целый год он время от времени угощал меня обедами и вином, и контакт казался полезным. Однако в конечном счете выяснилось, что он интересовался мной лишь с одной целью – чтобы я представил его знакомой мне даме. Когда я оказал ему эту услугу, майор сразу же предложил ей работать на немецкую разведку и выполнять обязанности иного рода. Дама с возмущением отвергла его по всем статьям, и он отдалился от меня.

Когда разразилась Вторая мировая война, «Таймс» направила меня в Аррас своим корреспондентом, аккредитованным при штабе британской армии. К июню 1940 года я вернулся в Англию, будучи дважды эвакуирован – из Булони и Бреста. В Лондоне я написал для «Таймс» две-три статьи, в которых подвел итоги кампании и указал на ее различные моральные аспекты. Не помню, что я тогда писал. Прочитав недавно едкие замечания об этой кампании в мемуарах Лиддела Гарта, я испытал лишь чувство облегчения за провал в памяти. Должно быть, я написал ужасную чепуху. Итак, к концу июня я оказался без дела. «Таймс» не проявляла намерения ни отделаться от меня, ни перегружать работой. Таким образом, я располагал свободным временем, чтобы спланировать свое будущее. Главное, нужно было определить ту основу, на которой его следовало строить.

Я решил покинуть «Таймс», хотя ко мне там всегда хорошо относились. Но полевая армейская цензура убила во мне всякий интерес к военной корреспонденции. Попробуйте написать сообщение с фронта, не упомянув ни названий населенных пунктов, ни номера части, и вы поймете, что я имею в виду. Позже английская военная цензура стала более либеральной, но в период «странной войны» тупые ограничения цензуры сравнивались (не в ее пользу) с практикой цензоров генерала Франко, подвергшейся в свое время резкой критике.

Однако, решив покинуть «Таймс», я не должен был забывать, что приближается срок моего призыва в армию. У меня не было никакого желания полностью потерять контроль над своей судьбой, и поэтому я с возрастающим беспокойством колдовал над тем «железом», которое ковал для себя, стараясь его не перекалить. У меня состоялась одна многообещающая встреча с Фрэнком Берчем, которую организовал наш общий друг. Берч был ведущей фигурой в Правительственной школе кодов и шифров (ПШКШ) – криптографическом учреждении, которое занималось раскрытием кодов противника (и друзей). Однако Берч, в конце концов, отверг меня на том издевательском основании, что не может предложить мне жалование, достойное моего труда. Огорченный, я отправился в Холлоуэй на медицинский осмотр.

Через несколько дней меня вызвал к себе в кабинет редактор иностранного отдела «Таймс» Ральф Дикин. Он вытаращил на меня глаза, надул щеки и сморщил лоб, что обычно делал, когда бывал расстроен. Некий капитан Лесли Шеридан из Военного министерства позвонил ему и спросил, свободен ли я для военной работы. Шеридан не произвел впечатления на Дикина, хотя и представился как журналист, поскольку в прошлом был связан с «Дейли миррор». Короче говоря, Дикин не хотел участвовать в этом деле и убеждал меня отказаться. К сожалению, мне пришлось его разочаровать. Я никогда не слышал о Шеридане, но решил ковать железо, пока горячо. И я немедленно откликнулся на запрос.

Вскоре на внешнем дворе гостиницы «Сент Эрмин», вблизи станции «Сент-Джеймпарк», у меня состоялась встреча с госпожой Марджори Мэкси. Это была очень приятная пожилая дама. Я не имел никакого представления, да и до сих пор не имею, какое именно положение она занимала в государственной системе. Но госпожа Мэкси говорила авторитетно и, очевидно, имела право по крайней мере рекомендовать меня на «интересную» работу. В начале нашей беседы она затронула вопрос о возможности политической работы против немцев в Европе. В течение десяти лет я серьезно интересовался международной политикой, объездил многие страны Европы, у меня уже сложились более или менее зрелые представления о подрывной деятельности нацистского режима, поэтому я был достаточно хорошо подготовлен для беседы с госпожой Мэкси на эту тему. Кстати, в тот период в Англии лишь очень немногие серьезно задумывались над этим вопросом, так что и представления самой госпожи Мэкси были далеко не ясными.

Я выдержал первый экзамен. Госпожа Мэкси попросила меня встретиться с ней еще раз на том же самом месте через несколько дней. На вторую встречу она явилась в сопровождении Гая Бёрджесса, которого я хорошо знал. Мне опять устроили испытание. Вдохновленный присутствием Гая, я старался показать себя в выгодном свете, бесперемонно бросаясь именами, как будто давал интервью. Мои собеседники время от времени обменивались взглядами. Гай важно и одобрительно покачивал головой. Оказалось, что я попусту тратил время, поскольку решение уже было принято. При прощании госпожа Мэкси сказала, что в случае моего согласия я должен порвать связи с «Таймс» и прибыть в распоряжение Гая Бёрджесса на Кэкс-тон-стрит, в том же квартале, что и гостиница «Сент Эрмин».

«Таймс» не доставила мне хлопот. Дикин надулся, повздыхал немного, но он не мог предложить мне ничего интересного. Итак, я без фанфар покинул Принтинг-Хаус-сквер. Мне казалось, меня ждала новая секретная и важная карьера. Я решил, что мой долг – воспользоваться опытом единственного знакомого мне сотрудника секретной службы. Поэтому я весь уик-энд веселился с Гаем Бёрджессом. В следующий понедельник я официально доложил ему о прибытии на службу.

Учреждение, с которым я связал себя, называлось Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС). Оно широко известно также под названием МИ-6, хотя непосвященная публика называет его просто секретной службой. Я удивился, с какой легкостью меня приняли на службу. Позже выяснилось, что единственным запросом о моем прошлом была обычная проверка в МИ-5 (контрразведке), где проверили мою фамилию по учетным данным и дали лаконичное заключение: «Ничего компрометирующего не имеется». Теперь каждый новый скандал со шпионами в Англии порождает поток рассуждений о «позитивной проверке»². Но тогда, в счастливом эдеме, о «позитивной проверке» и не слышали. В первые недели мне даже казалось, что я, может, вовсе и не туда попал, что где-то есть другая служба³, скрытая в тени, действительно секретная и действительно могущественная, способная на такие закулисные махинации, кото-

---

² Подробное исследование всех материалов, относящихся к прошлому проверяемого и связанных с ним лиц. – *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

³ На эту мысль навел меня коллега из Москвы. Мои первые сообщения заставили его серьезно подумать, что я попал в какую-то другую организацию.

рые оправдывают вечную подозрительность, например, французов. Скоро, однако, стало ясно, что такой организации не существует. Это было концом иллюзий, но их утрата не причинила мне боли.

Сначала Гай повел меня в предназначавшийся мне кабинет. Это была маленькая комната со столом, креслом и телефоном. Раздраженно фыркнув, Гай вышел в коридор и вскоре вернулся с пачкой бумаги, которую положил на стол. Удовлетворенный тем, что я теперь полностью вооружен для выполнения своих обязанностей, он сообщил, что мое жалованье будет таким же, как и у него, – 600 фунтов стерлингов в год. Деньги выплачиваются наличными ежемесячно и без вздорных притязаний со стороны налогового управления. Нечего совать нос в каждый секретный шиллинг! Фактически же за секретностью жалования скрывалось грубое неравенство. Каждый контакт между начальником и подчиненным теоретически являлся частным, секретным договором, и если начальник мог заполучить работника А дешевле, чем Б, то, каковы бы ни были их достоинства, начальник поступил бы глупо, не сделав этого. Однако меня вполне устраивали предложенные условия, и вскоре меня представили некоторым моим будущим коллегам.

Подразделение СИС, куда я попал, было известно под названием секции «Д» (диверсии). Я никогда не видел ее устава, если он вообще существовал. Из разговоров с коллегами я понял, что задача секции – содействовать поражению противника путем организации активного сопротивления и путем уничтожения невоенными средствами источников его мощи. Начальником секции был полковник Лоуренс Гранд. Меня представили ему через несколько дней после зачисления в штат. Высокий и худой, он поразительно напоминал человека, которого я рисовал в своем воображении, находясь в Германии или Испании. Разница заключалась в том, что его никак нельзя было назвать человеком ограниченного ума. Он свободно и быстро ориентировался во всех вопросах, входивших в круг его страшных обязанностей, и никогда не пасовал перед идеей, какой бы значительной и даже дикой она ни казалась.

В то время много внимания уделяли идее взрыва Железных ворот на Дунае с целью прервать поставку немцам румынской нефти. Мне приходилось видеть Железные ворота, поэтому меня поражало то хладнокровие, с каким мои коллеги говорили о взрыве ворот, словно речь шла о разрушении шлюзовых ворот на Риджентс-кэнэл. Такая акция никак не соответствовала скудным ресурсам секции «Д» в 1940 году. И когда эту попытку все же предприняли, югославская полиция сразу раскрыла и уничтожила ее в самом зародыше, поставив английское правительство в неловкое положение.

Таким же несоответствием между целями и средствами отличались предложения нарушить снабжение немцев нефтью путем «вывода из строя бакинских нефтяных промыслов». Впоследствии мне довелось увидеть бакинские нефтяные промыслы, и меня позабавила мысль о том, как бы англичане приступили к выполнению такого задания, допустим, начав действовать с базы в Каире. Даже в 1940 году я счел бы такие разговоры пустой фантазией, если бы лично не присутствовал на пресс-конференции в Аррасе, которую созвал генерал Паунелл, бывший в то время начальником штаба у лорда Горга. Генерал Паунелл тогда заявил, что, учитывая мощь линии Зигфрида, лучшие перспективы может открыть удар через Кавказ⁴. В случае успеха такой удар взламывает «слабую восточную систему обороны Германии» и открывает путь англо-французскому наступлению.

У полковника Гранда никогда не было средств для осуществления своих идей, хотя их щедро предоставляли его преемникам. Его лондонский штат легко мог разместиться в большой гостиной. Так оно и бывало, когда мы регулярно собирались по воскресеньям в его загородной вилле, где неиссякаемыми темами для дискуссий были планы, планы и планы. В разведке

---

⁴ Речь идет о планах нападения на Советский Союз, которые вынашивали в то время правящие круги Великобритании под лицемерным предлогом нанесения удара по Германии с востока.

Гранду доставались чуть ли не одни объедки. Старейшие и более прочно обосновавшиеся подразделения разведки с неодобрением встречали попытки добиться большего куска от «секретного» пирога. Исходя из обоснованной предпосылки, что саботаж и подрывная деятельность сами по себе небезопасны (виновников взрывов нетрудно установить), работники разведки с удовольствием спешили сделать необоснованный вывод: взрывы – это, мол, напрасная трата времени и денег, так пусть лучше все средства идут на «тихий» шпионаж. Поэтому требования Гранда к казначейству и вооруженным силам нередко замораживались в самой разведывательной службе. В лучшем случае Гранду оказывалась прохладная поддержка.

По части политической диверсии возникали еще большие трудности, потому что здесь затрагивались основные аспекты британской политики. Английское правительство привыкло поддерживать монархов и олигархов в Европе и было настроено против любых форм подрывной деятельности. Единственно, кто мог оказывать Гитлеру какое-то сопротивление, были представители левого движения – крестьянские партии, социал-демократы и коммунисты. Только они были способны, рискуя жизнью, бороться против оккупантов. Но было мало вероятно, чтобы они стали стараться ради английского правительства, упорно продолжавшего заигрывать с королями, принцами и павлами, которые систематически преследовали всех левых в период между войнами.

Таким образом, в Англии идеологи подрывной деятельности начали свою работу в условиях серьезных препятствий, воздвигаемых Министерством иностранных дел, которые слишком поздно поняли, что, каков бы ни был исход войны, солнце их любимых марионеток закатилось навсегда. Неудивительно поэтому, что в самый решительный момент движения Сопротивления стали тяготеть к Советскому Союзу и что сбалансировать влияние СССР во Франции, Италии и Греции удалось только присутствием многочисленных англо-американских вооруженных сил.

В целях конспирации и для удобства всем офицерам СИС давались условные обозначения, которые применялись в корреспонденции и при разговорах. Гранд, естественно, обозначался буквой «Д». Начальники подсекций были известны как «ДА», «ДБ» и т. д., а их помощникам добавлялись цифры, например «ДА-1». Гай имел обозначение «ДУ». По установленному порядку я должен был бы обозначаться как «ДУ-1», но Гай деликатно объяснил, что условное обозначение «ДУ-1» подразумевает определенную подчиненность ему, а он хочет, чтобы нас считали равноправными. Гай разрешил эту дилемму: вместо цифры к моему обозначению он прибавил букву «Д». Так передо мной открылась карьера работника секретной службы, условно обозначенного «ДУД»⁵.

Подсекция «ДУ» не была идеальным отправным пунктом для моей карьеры. Мне хотелось найти в службе свое собственное место, а для этого прежде всего необходимо было выяснить, как она организована и чем занимается. Гай же превратил свою подсекцию в своего рода фабрику идей. Он считал себя колесом, которое, вращаясь, высекает идеи, словно искры. Куда падали эти искры, его, по-видимому, не интересовало. Он проводил массу времени в кабинетах других сотрудников, где предлагал свои идеи. Когда он воодушевлялся, в коридоре то и дело раздавался его смех. После трудового утра, заполненного разговорами, Гай обычно врывается ко мне в кабинет и предлагал выпить.

Однажды в июле Гай вошел ко мне, против обыкновения, с какими-то бумагами. Это были страницы написанной им докладной записки. Гранд в основном одобрил ее содержание, но предложил глубже изучить и подработать вопрос. Для этого Гаю и понадобилась моя помощь. Я страшно обрадовался. По долгому опыту я знал, что «помогать» Гаю значило освободить его от всякой работы. Но поскольку я целые две недели буквально ничего не делал, я

⁵ Английское слово «dud» означает «неудачник». – *Примеч. перев.*

был рад любой работе. Я взял документы, а Гай уселся на край моего стола, стараясь уловить на моем лице признаки одобрения.

Это была характерная для него продукция – масса здравого смысла, затерянного в цветистых оборотах и сомнительных цитатах. (Гай располагал цитатами чуть ли не на каждый случай жизни, но никогда не утруждал себя их выверкой.) Он предлагал создать школу для обучения агентов методам подпольной работы. Предложение поражало не тем, что его внесли, а тем, что до сих пор его никто не сделал. Школы такого рода еще не существовало. Гай доказывал необходимость этого дела, общепризнанного теперь, но нового в то время. Он наметил программу обучения. В заключение Гай предлагал назвать школу колледжем Гая Фокса в память о неудачливом заговорщике, «планы которого раскрыла бдительная елизаветинская СИС». Не мог же он предложить название «Колледж Гая Бёрджесса»!

Наконец-то у меня появилось какое-то дело. Я разбил вопрос на составные части: программа, отбор слушателей, конспирация, размещение и т. д. – и по каждой подготовил докладные записки. Засыпав меня своими предложениями, Гай, казалось, потерял всякий интерес к последней вспышке своих идей, но это было не так. Он знал, что Гранд прочитал мои документы и создал комиссии для их обсуждения. Меня лично и тогда, и позже не привлекала работа в комиссиях. В каждой комиссии обычно есть свое пугало. Моим пугалом в комиссии по вопросам обучения стал некий полковник Чидсон. Он сыграл большую роль в спасении от Гитлера значительного количества промышленных алмазов в Голландии, но для меня он был просто надоедливым человеком. Ему чудилось, что Европу охватывает анархия, и он отчаянно сопротивлялся идее позволить массе головорезов свободно расхаживать по континенту. Однажды я увидел его идущим мне навстречу по Лоуэр-Риджентс-стрит. Минутой позже он тоже заметил меня и застыл на месте. Затем быстро поднял воротник и нырнул в переулок. Необходимость нашей школы стала очевидной.

В то время Гай неизменно повторял: «Надо, чтобы за эту идею ухватились». В какой-то степени это удалось. Вскоре я, к своему удивлению, узнал, что для использования в учебных целях уже приобрели Брикендонбери-холл, бывшее школьное здание, расположенное на просторном участке неподалеку от Хартфорда. Меня представили капитану 3 ранга Питерсу, которого назначили начальником школы. Он часто приглашал нас с Гаем на обед в «Хангерию», чтобы послушать, что мы думаем о новом деле. У него были мечтательные голубые глаза и очаровательная мягкая улыбка. Несмотря на резкое различие характеров, он сильно привязался к Гаю, который бесцеремонно таскал у него со стола сигареты. К сожалению, его сотрудничество с нами оказалось недолгим. Впоследствии его посмертно наградили крестом Виктории, вероятно, за ненужную храбрость, проявленную в Оранской гавани. Услышав о его награждении, я взгрустнул при мысли, что Питерс никогда об этом не узнает. Он был человеком сентиментального склада и заплакал бы от такой чести. Наши слушатели обожали его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.